

испорченных взрослых, главной опорой для ее героев-сирот становятся не взрослые наставники (воспитатели в интернате, спонсоры, психологи и т. д.), а они сами, так рано познавшие столь многое.

Список использованных источников

1. Богатырёва, Н. Ю. Русская литература для подростков 2010–2020-х годов : моногр. / Н. Ю. Богатырёва. – М. : МПГУ, 2022. – 190 с.
2. Бухина, О. Герои-сироты в детской литературе: отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи / О. Бухина, А. Лану // Детские чтения. – 2015. – № 1 (7). – С. 24–47.
3. Колпакова, О. В. Литературная премия имени В. П. Крапивина / О. В. Колпакова // Детские чтения. – 2012. – № 1 (1). – С. 191–196.
4. Минаев, Б. Д. Старинные пасхальные и святочные рассказы / Б. Д. Минаев // Огонек. – 1991. – № 15. – С. 12–13.
5. Сергиенко, И. А. Формула Крапивина: сюжетная модель реалистической прозы Владислава Крапивина 1960–1980-х годов / И. А. Сергиенко // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 2. – С. 151–165.
6. Зенькова, А. В. С горячим приветом от Фёклы / А. В. Зенькова. – М. : КомпасГид, 2020. – 357 с.
7. Крапивин, В. П. Самолет по имени Серёжка / В. П. Крапивин. – М. : Изд. дом Мещерякова, 2014. – 187 с.
8. Международная детская литературная премия имени В. П. Крапивина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit-parus.ru/o_premii.htm. – Дата доступа: 15.04.2023.
9. МЕЛ: «Сложные темы в современной детской литературе неизбежны». Интервью с Анной Зеньковой (Текст публикации: Мария Петрова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mel.fm/blog/kompasgid-pr/45109-slozhnyye-temy-v-sovremennoy-detskoj-literature-neizbezhny>. – Дата доступа: 15.04.2023.

УДК 811.161.3'42

ИСТОЧНИКИ И ИМПУЛЬСЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ РУССКОГО ЛИРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НАЧАЛА XX ВЕКА

С. Б. Кураш,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь,
E-mail: s.kurash0611@gmail.com

О. Н. Хаками,

кандидат филологических наук, педагог,
Специальный (коррекционный) образовательный и консультационный центр
им. Луизы фон Баден,
г. Гейдельберг, Германия,
E-mail: hakami@hotmail.de

В данной статье представлен обзор некоторых основных источников интертекстуализации русского лирического дискурса начала XX века и выявлены

те факторы литературно-культурного процесса эпохи, которые послужили своеобразным импульсом семиотически усложнённого (в данном случае – интертекстуализованного) кодирования действительности в рассматриваемую эпоху. Сделан вывод о том, что возникновение и функционирование интертекстуальности обусловлено сложным комплексом причин, относящихся как к сфере субъективного в поэтическом мышлении, так и к сфере объективно заданных особенностей языковой системы, а также утратой единого мировоззренческого и эстетического центра в переломную эпоху.

Ключевые слова: лирический дискурс, Серебряный век, интертекстуальность.

SOURCES AND IMPULSES OF INTERTEXTUALITY OF THE RUSSIAN LYRICAL DISCOURSE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

S. B. Kurash,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University,
Mozyr, Republic of Belarus,
E-mail: s.kurash0611@gmail.com

O. N. Hakami,

Candidate of Philological Sciences, teacher,
Special (correction) Educational and Consulting Center named after Louise von Baden,
Heidelberg, Germany,
E-mail: hakami@hotmail.de

This article presents an overview of some of the main sources of intertextualization of the Russian lyrical discourse of the early twentieth century and to identify those factors of the literary and cultural process of the epoch that served as a kind of impulse for semiotically complicated (in this case, intertextualized) encoding of reality in the era under consideration. It is concluded that the emergence and functioning of intertextuality is due to a complex set of reasons related both to the sphere of the subjective in poetic thinking and to the sphere of objectively defined features of the language system, as well as the loss of a single ideological and aesthetic center in a critical era.

Keywords: lyrical discourse, Silver Age, intertextuality.

Введение

Общей предпосылкой усложнения картины мира русской культуры начала XX века явилась утрата единого мировоззренческого и эстетического центра. Культура Серебряного века поражала обилием талантов, многообразием художественных поисков, концептуальной полемикой Стилей – Текстов – Творцов. Но важнее всего отметить то, что такие – переломные, рубежные – эпохи всегда несут в себе «определенный сгусток возможных, потенциальных, содержащихся в зародыше, в свернутом виде тенденций, которые могут получить свое полноценное развитие далеко не сразу, обладают некоей, если можно так выразиться, отсроченной актуальностью» [7, с. 16–17]. Данный тезис полностью подтверждается последующей поэтической традицией: тексты, вновь и вновь создаваемые каждым из поэтов этой эпохи, испытывали на себе заметное

интертекстуальное влияние, будучи включенными в диалог множества произведений.

Цель и задачи

В данной статье предполагается сделать обзор некоторых основных источников интертекстуализации русского лирического дискурса начала XX века и выявить те факторы литературно-культурного процесса эпохи, которые послужили своеобразным импульсом семиотически усложнённого (в данном случае – интертекстуализованного) кодирования действительности в рассматриваемую эпоху.

Результаты и их обсуждение

Одним из основных источников интертекстуальности русской поэзии начала XX века стала поэтическая традиция прошлого, прежде всего XIX столетия, либо ещё более ранних эпох, что было своеобразной формой поиска чего-то нового и одновременно отрицания современного [7, с. 16–17]. Так, на творчество С. Есенина мощное воздействие оказала древнерусская литература. По его словам, литература Древней Руси – «великая литература», которая «перевесит всю прочую мировую словесность». С. Есенин особенно часто обращается к «Слову о полку Игореве», которое знал наизусть. Фразеологию и мотивы великого произведения можно встретить в его стихотворениях «Песнь о великом походе», «По-осеннему кычет сова...» и др.

Есенинскую традицию во второй половине XX века продолжили такие поэты, как П. Васильев, Н. Рубцов, В. Федоров, Г. Горбовский, И. Григорьев и др. Это лишь один из примеров того, как творчество поэта не только впитывало в себя претексты, «произрастало» на их почве, но и само становилось интертекстуальным источником для создателей последующих текстов.

В то же время русский поэтический дискурс XX века предъявил немало образцов интертекстуальной родственности поэтов с непосредственными предшественниками либо современниками. Так, другая знаковая фигура русского интертекста «серебряного века» А. Ахматова подчеркивала, что ведет свое «начало» от стихов Анненского (на это обращали внимание и её современники: Вяч. Иванов, Н. Оцуп [4, с. 585–594]).

А. Ахматова включила в свой сборник «Вечер» стихотворение «Подражание И. Ф. Анненскому» (1911), а позже написала стихотворение «Учитель» (1945), посвященное его памяти.

Можно говорить и о третьем случае – множественности, подчас неясности источников интертекстуального влияния. В частности, та же А. Ахматова полагала, что её современник и соратник по «поэтическому цеху» О. Мандельштам не имеет претекстов в своем творчестве. «У Мандельштама нет учителя. <...> кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама?» – писала она [1, с. 327].

Между тем и творчество О. Мандельштама не явилось абсолютным исключением из доминирующей культурной тенденции эпохи. Так, его стихотворение «Silentium» затрагивает тему, когда-то разработанную в тютчевском стихотворении с родственным названием. Стихотворение «Слух чуткий – парус напрягает...» варьирует мотивы тютчевских «Певучесть есть в морских волнах...» и «О вещая душа моя...». «Из омута злого и вязкого...» О. Мандельштама восходит к стихотворению «О чем ты воешь, ветр ночной...» Ф. Тютчева. Оба поэта

родственно интерпретировали такие концепты, как «сон», «хаос», «хор среди пустоты», схоже конструировали пространство лирического «я», поглощенного космосом или морем. Кроме того, О. Мандельштам откликается на поэзию Ф. Сологуба, зачитывается А. Блоком. В 1909 году О. Мандельштам знакомится с И. Анненским, посещает его, ощущает тесную связь с его поэзией. Стихотворение И. Анненского «Он и я» отозвалось в «Концерте на вокзале». Характерно, что сам О. Мандельштам справедливо утверждал, что его нельзя «от века оторвать».

Важной предпосылкой интертекстуальных связей выступало и продолжает выступать личное знакомство поэтов и писателей, их непосредственное общение (в том числе эпистолярное), выливающееся, например, в обмен стихотворными посланиями и посвящениями (например, М. Цветаева «Ахматовой», Б. Пастернак «Марине Цветаевой», И. Северянин «Валерию Брюсову», А. Ахматова «Борису Пастернаку» и др.). Литературные произведения, следы литературной полемики вследствие этого входят в «активную зону» пресуппозиции целого ряда авторов и находят свое отражение в их поэтических текстах.

Осознание многими художниками слова важности наличия у них Учителей часто принимает форму их упоминания и цитирования в своих произведениях, что также стимулирует выход в интертекстуальный слой дискурса. Классическим примером подобной традиции стали, например, строки Н. Некрасова: *Учитель! перед именем твоим / Позволь смиренно преклонить колени! / Ты нас гуманно мыслить научил... / Едва ль не первый ты заговорил / О равенстве, о братстве, о свободе...*

В XX веке в стихотворении «Молитва перед поэмой» (из поэмы «Братская ГЭС») Е. Евтушенко, обращаясь к основным мотивам, образам, отличительным чертам творчества поэтов-предшественников (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. Некрасов, А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин, В. Маяковский), как бы просит их стать его учителями: *И, на колени тихо становясь... / прошу смиренно помощи у вас, / великие российские поэты... / Дай, Маяковский, мне / глыбастость, / буйство, / бас...*

Одной из основных предпосылок интертекстуальности русского лирического дискурса явилось наличие концептов, присущих национальному мировоззрению, так называемых «ключевых концептов культуры» (Ю.С. Степанов), существующих в качестве межтекстовых образов. Так, в диалоге текстов национальной поэзии непременно возникают концепты Родины, родной природы, времени, пространства, собирательный образ лирического героя и т. д. Это универсалии поэтического дискурса, в то время как дифференциация (частное) касается индивидуально-авторского компонента данных концептов, поскольку «картину, которую пишет художник, стихотворение, которое пишет поэт, сонату, которую пишет композитор, никто за них никогда бы не написал, пройди хоть тысячи лет» [8, с. 113].

Смысловое поле для появления интертекстуальных феноменов возникает вследствие осознания авторами подобного межтекстового, общенационального статуса таких концептов – как следствие рефлексии по поводу того, как этот концепт уже кем-то осмыслялся, выстраивался. Например, в стихотворении «И вот в журнале громогласном...» И. Ляпина находим строки, отсылающие к некрасовской интерпретации концепта «Россия»: *...Его Россия безъязыка, / Как та крестьянка на Сенной.* Или у Е. Евтушенко в «Письме к Есенину», отсылающему к смысловой оппозиции концептов России у С. Есенина и

В. Маяковского: *Я, как Россия, более стальной, / и, как Россия, менее березовый. / Есенин, милый, / изменилась Русь...*

Импульс интертекстуальности постоянно поддерживается и тем фактом, что художественные тексты продолжают жизнь (и зачастую весьма активную) вне рамок времени их создания – в культурном пространстве последующих эпох и поколений. Текст становится доступным все новым и новым поколениям. По словам М.М. Бахтина, «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [2, с. 331].

Но прежде чем обрести жизнь в будущем, текст вбирает в себя сведения из прошлого, он продолжает прошлое, связывая его с будущим, создавая тем самым непрерывность информативного пространства и постоянно насыщая его новыми «квантами информации». М. М. Бахтин приводит в пример Шекспира: «Смысловые сокровища, вложенные Шекспиром в его произведения, создавались и собирались веками и даже тысячелетиями. Шекспир использовал и заключил в свои произведения огромные сокровища потенциальных смыслов, которые в его эпоху не могли быть раскрыты и осознаны в своей полноте. Сам же автор и его современники видят, осознают и оценивают прежде всего то, что ближе к их сегодняшнему дню...» [2, с. 332]. В то же время М. Цветаева в 1932 году писала, что «брак поэта со временем – насильственный брак» [10, с. 391], то есть произведения поэта должны быть вне времени, или, выражаясь её словами: *быть или нет / Стихам на Руси – / Поток спроси, / Потомков спроси* (М. Цветаева «Не нужен твой стих...»). В этом смысле часто оказывается так, что произведение искусства остаётся незамеченным или даже не признанным современниками, но, спустя время, начать плодотворно функционировать как часть художественного дискурса, что ёмкой поэтической формулой определила М. Цветаева: *Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед* (М. Цветаева «Моим стихам, написанным так рано...»). Именно время и предъявляет художественным текстам испытание интертекстуальностью: отзовётся ли «старый» текст в «новых» цитатах, аллюзиях, реминисценциях, обогатит ли литературный язык крылатыми словами и афоризмами, вошедшими в узус языковыми новообразованиями и пр. То, что это испытание многими текстами выдерживается, ведёт к процессу самогенерации литературного интертекста, весьма точно определённого И. Бродским в том плане, что «не человек пишет стихотворение, а каждое предыдущее стихотворение пишет следующее» [9, с. 6].

В контексте и в развитие наших рассуждений можно привести и высказываемую исследователями мысль об объективной востребованности интертекста в литературе XX века вследствие того, что накопленная информация имеющегося интертекста столь всеобъемлюща, разнопланова и велика, что она не может не дозвезть над сознанием авторов и время от времени обязательно выплещивается во вновь продуцируемые тексты.

Наконец, потенциальная заданность интертекстуальности заложена и в противоречии между дискретностью языка и континуальностью поэтического смысла: количество лексем и их валентность системно ограничены, в то время как поэзии свойственна повышенная смысловая нагрузка на языковые средства в силу ограниченности форм. Поэтому все, что произнесено нами, уже в той или иной форме было сказано, говорится или будет сказано другими. Именно этот феномен явился концептуальным стержнем стихотворения Я. Смелякова «Поздняя

благодарность»: *Я, запоздняясь, благодарю / того, кто был передо мною / и кто вечернюю зарю / назвал вечернею зарею. // Того, кто первый услышал / капель апреля, визг мороза / и это дерево назвал / так упоительно березой. // Потом уже, уже потом / сюда пришел Сергей Есенин / отогреть разбитым ртом / ее озябшие колени.*

По сути, о том же писал и И. Бродский, говоря об ощущении «немедленного впадения в зависимость от языка, от того, что на нём уже высказано, написано, осуществлено» [6, с. 192].

Всё вышесказанное убедительно свидетельствует о том, что интертекстуальность стала «неотъемлемой структурообразующей чертой литературы XX века» [3, с. 47]. Литература искала и продолжает искать источники развития внутри себя, смещая границы между своими и чужими текстами. Пусть и в шутливо-иронической форме, но, в сущности, точно это подмечено Т. Кибировым: *...и, куда ни поверни, / здесь аллюзии, цитаты, / символистские закаты, / акмеистские цветы, / баратынские кусты, / Достоевские старушки / да гандлевские чекушки, / надежи и времена! / Это Родина. Она / и на самом деле наша.*

Именно в таком, сложном и многоголосом, полилоге множества появившихся и так или иначе оттолкнувшихся от прежней литературной традиции течений и стилей (символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм и пр.) формировался интертекстовый слой русского поэтического дискурса начала XX века, определивший интертекстуальность как одну из ведущих доминант русского поэтического стиля вплоть до настоящего времени.

Сразу уточним: круг исследуемого в работе материала в основном ограничен поэтическими текстами допостмодернистской традиции. Разумеется, нельзя не признать того, что постмодернистский дискурс, нередко называемый даже не современным, а «постсовременным», в значительной мере определил облик всего русского поэтического дискурса конца XX – начала XXI века и, более того, имеет в качестве одной из своих системообразующих категорий именно категорию интертекстуальности. Однако в неменьшей степени ему присущи и иные определяющие его суть лингво-эстетические доминанты: игровой принцип, дискурсивная интерференция, интерактивность, нелинейность, нарратив, панхронизм, децентрация и др. [5, с. 11], что, по-видимому, все же требует определенных специфических подходов к его изучению как с точки зрения содержания, так и в плане методов и приемов исследования. Иными словами, интертекстуальность русской поэзии начала – середины – отчасти конца XX века, не включая постмодернистов (при всем многообразии имен), и интертекстуальность постмодернистов – не вполне одно и то же. Здесь напрашивается такая аналогия: в первом случае инструментом (т. е. интертекстуальностью) работают, пользуются, а во втором – им играют, его разбирают «на винтики» и собирают заново уже новым способом.

Заключение

Таким образом, можно говорить об интертекстуальной составляющей русского поэтического дискурса как конкретно-детерминированном феномене. Возникновение и функционирование интертекстуальности обусловлено сложным комплексом причин, относящихся как к сфере субъективного в поэтическом мышлении, так и к сфере объективно заданных особенностей языковой системы.

Список использованных источников

1. Ахматова, А. Из воспоминаний о Мандельштаме (Листки из дневника) / А. Ахматова // А. Ахматова Я – голос ваш... – М. : Кн. палата, 1989. – С. 315–328.
2. Бахтин, М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин, Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – С. 328–335.
3. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.) / М. Я. Дымарский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
4. Кожина, М. Н. Художественно-образная речевая конкретизация / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 585–594.
5. Лучинская, Е. Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Лучинская. – Краснодар, 2002. – 328 л.
6. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста : моногр. / В. А. Маслова. – Минск : БРФФИ, 1999. – 208 с.
7. Пахсарьян, Н. Т. К проблеме изучения литературных эпох: понятие рубежа, перехода и перелома / Н. Т. Пахсарьян // Литература в диалоге культур : материалы Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д, 2004. – С. 12–17.
8. Солоухин, В. Камешки на ладони / В. Солоухин // Наш современник. – 1984. – № 1. – С. 105–114.
9. Уфлянд, В. Предисловие / В. Уфлянд // Бродский И. А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы : в 2 т. / И. А. Бродский. – Минск : Эридан, 1992. – Т. 1. – С. 6–12.
10. Цветаева, М. И. Век мой – враг мой / М. И. Цветаева // Цветаева М. И. Любви старинные туманы: Стихотворения и поэмы. – М. : Изд-во Эксмо, 2002. – С. 391.

УДК 807

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ: КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО *ПАМЯТЬ* В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ДЛЯ ТОГО, КТО ПО-ПРЕЖНЕМУ МОЛОД...»)

О. В. Ланская,

кандидат филологических наук, учитель Муниципального общеобразовательного учреждения средней школы № 14 г. Липецка,
г. Липецк, Российская Федерация
E-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

*В статье анализируется стихотворение «Для того, кто по-прежнему молод...», рассматривается ключевое слово *память*, а также слова *камень*, *бездна*, *эхо*, *руины*, входящие в лексико-тематические группы «дорога», «память», связанные с противопоставлениями «чужая душа – русская память», «память –*